

Извѣстно, что со временъ Декарта сомнѣніе играетъ очень важную роль въ развитіи философіи; и дѣйствительно оно именно и есть тотъ умственный процессъ, на основаніи котораго философія, при познаніи вещей, ограничиваетъ по возможности догматическія предположенія.

Каждое догматическое предположеніе перестаетъ быть догматическимъ и принимаетъ совсѣмъ иной характеръ, когда оно подвергается сомнѣнію. Догматическое предположеніе само по себѣ есть *теза*, сомнѣніе-же превращаетъ каждую тезу въ *гипотезу*. Догматическое предположеніе само по себѣ высказывается всегда въ формѣ положенія *категорическаго*; вслѣдствіе-же сомнѣнія каждое категорическое положеніе становится *проблематическимъ*. И такъ сомнѣніе устраняетъ и ограничиваетъ по возможности догматическій характеръ всѣхъ человѣческихъ предположеній, превращая оныя въ положенія гипотетическія и проблематическія, требующія для своего разъясненія соотвѣтственнаго критическаго анализа.

Примѣненіе, по возможности обширное и послѣдовательное, сомнѣнія есть необходимое условіе всякой истинной критики, желающей устранить догматическія предположенія и замѣнить оныя достовѣрнымъ познаніемъ.

Убѣждаясь въ томъ, каждый истинный и критическій философъ признаетъ необходимымъ критическимъ началомъ философіи *сомнѣніе*. Безъ сомнѣнія философія становится догматическою, вмѣсто того, чтобы быть *критическою*.

Правда, что *сомнѣніе* не есть ни цѣль ни конецъ философіи, какъ это ошибочно утверждаетъ некритическій скептицизмъ; но оно есть необходимое *средство* для достиженія цѣли философіи, т. е. истиннаго и достовѣрнаго познанія вещей. Только на основаніи предварительнаго сомнѣнія умъ человѣческій ищетъ *доказательствъ* для подкрѣпленія своихъ взглядовъ и достигаетъ *достовѣрнаго* познанія. Пока мы не сомнѣвались въ истинѣ того или другаго положенія, до тѣхъ поръ мы не дали себѣ яснаго отчета въ причинахъ, на основаніи которыхъ мы признаемъ наше положеніе истиннымъ. Догматикъ не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, но вслѣдствіе того онъ и не имѣетъ никакого яснаго сознанія объ основаніяхъ своего убѣжденія и не способенъ дать себѣ и другимъ яснаго отчета въ достовѣрности и неоспоримости онаго. При немъ *знаніе*,

а не достаетъ ему *познанія*, основаннаго на усвоеніи и уразумѣніи даннаго предмета.

Мы не можемъ здѣсь подробно разбирать значенія сомнѣнія для философіи, ни задаваться вопросомъ: какія положенія остаются неприкосновенными и при самомъ послѣдовательномъ примѣненіи сомнѣнія? что вообще слѣдуетъ признать несомнѣннымъ и непосредственно достовѣрнымъ? Это ввело-бы насъ въ слишкомъ подробныя философскія изслѣдованія, неимѣющія непосредственной связи съ нашей настоящей задачей. Для сей послѣдней достаточно указать на то, что философія по существу своему требуетъ послѣдовательнаго и всесторонняго примѣненія критическаго начала сомнѣнія, и что это примѣненіе составляетъ главную отличительную черту философіи въ сравненіи съ другими науками, въ которыхъ начало сомнѣнія примѣняется лишь въ очень тѣсныхъ границахъ.

Догматическія предположенія спеціальныхъ наукъ, не подвергаемыя ими самими сомнѣнію и критическому анализу, принимаютъ въ философіи, на основаніи сомнѣнія, гипотетическій и проблематическій характеръ, становятся гипотезами и проблемами, изучаемыми философіею, съ цѣлью повѣрки ихъ достовѣрности, уразумѣнія и усвоенія ихъ содержанія. Въ то время, когда спеціальныя науки примѣняютъ начало сомнѣнія лишь къ частнымъ вопросамъ, неограничивая имъ своихъ первоначальныхъ догматическихъ основаній, философія, напротивъ, распространяетъ принципъ критическаго сомнѣнія и на эти основанія, а вслѣдствіе того удовлетворяетъ болѣе, чѣмъ всѣ спеціальныя науки, первоначальнымъ требованіямъ критики.

17. Второй изъ вышеприведенныхъ основныхъ моментовъ критики есть послѣдовательное развитіе перваго и требуетъ, чтобы мы давали себѣ ясный отчетъ въ содержаніи нашихъ предположеній и подвергали оныя строгому критическому анализу.

Принципъ критическаго сомнѣнія не ограничиваетъ только догматическихъ предположеній до возможнаго для ума минимума, но въ то-же время составляетъ и необходимое средство для точнаго и яснаго усвоенія содержанія этихъ предположеній, равно какъ для ихъ критическаго анализа. Пока мы не стали сомнѣваться въ истинѣ того или другаго предположенія, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ яснаго понятія ни о содержаніи, ни о значеніи этого предположенія.

Догматики употребляетъ и примѣняетъ свои предположенія, обыкновенно даже не зная о томъ, и не имѣя надлежащаго понятія о ихъ содержаніи. Эти предположенія дѣйствуютъ въ немъ, такъ сказать, инстинктивно, безъ яснаго о нихъ сознанія. Специалисты напр., какъ мы видѣли, разсуждаютъ о разнороднѣйшихъ предметахъ, основывая всѣ свои соображенія на извѣстныхъ первоначальныхъ понятіяхъ о пространствѣ и времени, о матеріи и движеніи, о законахъ и причинахъ, о единствѣ и развитіи и т. д.; но всѣ ли изъ специалистовъ знаютъ, что всѣ ихъ разсужденія, даже самыя критическія, основаны на такихъ некритическихъ предположеніяхъ? всѣ ли изъ нихъ отдають себѣ ясный отчетъ въ томъ, что собственно служитъ основаніемъ всѣхъ ихъ разсужденій, какое содержаніе ихъ предположеній? Между тѣмъ философская критика, основанная на примѣненіи сомнѣнія, не можетъ остаться равнодушною ни къ самимъ этимъ предположеніямъ ни къ ихъ настоящему содержанію.

Философская критика по принципу отыскиваетъ всѣ догматическія предположенія, и уже вслѣдствіе того, она даетъ намъ ясное понятіе о ихъ содержаніи; а кромѣ того, примѣняя къ этимъ предположеніямъ начало сомнѣнія, она указываетъ на ихъ значеніе, и убѣждаетъ насъ въ томъ: какія предположенія остаются неприкосновенными и при самомъ сильномъ сомнѣніи, равно—какія, напротивъ, не могутъ выдержать ни малѣйшаго толчка истинной критики. Равнымъ образомъ философская критика разбираетъ подробно основанія и источники всѣхъ догматическихъ предположеній, и показываетъ: какія предположенія основаны на традиціональныхъ предубѣжденіяхъ, какія суть слѣдствіе обычая и навыка, какія истекають изъ неточнаго пониманія разнородныхъ частныхъ истинъ, какія основаны на прирожденной физической и умственной организаціи человека, какія наконецъ имѣють не только субъективное, но и объективное несомнѣнное значеніе.

И такъ напр. разбирая предположеніе о *причинности*, по которому все существующее должно имѣть свою причину, и подвергая его предварительному критическому сомнѣнію, философія стремится дать себѣ ясный отчетъ въ основаніяхъ этого предположенія, равно какъ и въ источникахъ, изъ которыхъ оно истекаетъ, и потому она спрашиваетъ: есть ли причинность слѣдствіе какого нибудь традиціональнаго предубѣжденія? или навыкъ прививаемый воспитаніемъ?

или неумѣстное обобщеніе какихъ-нибудь частныхъ наблюденій? или-же слѣдствіе нашей прирожденной умственной организаціи? Далѣе: имѣетъ-ли причинность значеніе объективное, т. е. внѣ и независимо отъ человѣческаго ума? существуетъ-ли она въ самомъ бытіи, какъ одинъ изъ его законовъ, т. е. имѣетъ-ли она не только логическое, но и метафизическое значеніе? Какъ-же объяснить то явленіе, что вопросъ о причинѣ представляется уму человѣческому безконечнымъ? Должны-ли мы ограничиваться понятіемъ о первоначальной причинѣ, о причинѣ, служащей самой себѣ причиной и недопускающей дальнѣйшаго вопроса въ этомъ направленіи? и т. д.

Каждый признаетъ, что лишь только точный отвѣтъ на всѣ эти вопросы даетъ намъ ясное понятіе о настоящемъ содержаніи причинности и о ея значеніи въ человѣческомъ познаніи. Пока всѣ эти вопросы не разрѣшены, до тѣхъ поръ употребленіе понятія о причинности остается *догматическимъ*, а всѣ разсужденія и выводы, основываемые на немъ, не имѣютъ истинно критическаго и строго научнаго характера, потому, что они основывались-бы на понятіи темномъ и неточномъ, на понятіи не разработанномъ критически.

Но, спрашиваемъ мы теперь, какая изъ спеціальныхъ наукъ изучаетъ всѣ вышеприведенные вопросы относительно причинности, равно относительно всѣхъ другихъ основныхъ понятій, употребляемыхъ и примѣняемыхъ во всѣхъ безъ исключенія разсужденіяхъ и наукахъ? Только одна философія, развивая послѣдовательно требованія критики до возможныхъ для ума человѣческаго предѣловъ, изучаетъ всѣ эти и тому подобныя вопросы; даетъ себѣ ясный отчетъ въ содержаніи всѣхъ человѣческихъ предположеній, разбираетъ онія и подвергаетъ строгому критическому анализу; и потому то философская разработка всѣхъ основныхъ понятій человѣческаго знанія составляетъ необходимое условіе полнаго познанія и уразумѣнія предмета спеціальныхъ наукъ. Безъ философіи и философской разработки этихъ основныхъ предположеній, спеціальныя науки, при всей критикѣ относительно частныхъ вопросовъ, остаются безъ критики какъ относительно своихъ общихъ началъ, такъ и относительно научнаго значенія своихъ выводовъ, т. е. остаются чисто *догматическими*.

18. Если ко всему сказанному присовокупимъ еще и то, что одна лишь философія изучаетъ процессъ и законы познанія, анали-

зируетъ разнородныя формы и явленія его, разбираетъ всѣ методы изслѣдованія, и вообще подвергаетъ критическому разсмотрѣнію вопросъ какъ объ общихъ условіяхъ и границахъ человѣческаго познанія, такъ и о значеніи разнородныхъ частныхъ формъ и явленій мышленія, то этимъ самымъ оправдается положеніе, что философія есть необходимое критическое основаніе всѣхъ другихъ наукъ, что она одна, по существу своему, обнаруживаетъ стремленіе къ послѣдовательному и полному развитію критическихъ требованій человѣческаго ума; что ни одна изъ другихъ наукъ не стремится до подобной критической самостоятельности, возможной лишь при подробномъ анализѣ всѣхъ первоначальныхъ догматическихъ предположеній, изучаемыхъ именно не спеціальными науками, но одною философіею.

Мы не разбираемъ здѣсь вопроса, на сколько философія до сихъ поръ разрѣшила свою столь высокую критическую задачу, на сколько ей удалось уяснить основныя понятія человѣческаго ума, на сколько она была въ состояніи замѣнить догматическія предположенія спеціальныхъ наукъ критическимъ познаніемъ ихъ содержанія и достовѣрности. На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь критическая разработка всей исторіи философіи. Но каковъ бы ни былъ результатъ подобной критической разработки исторіи философіи, все же нельзя упускать изъ виду той истины, что нѣтъ ни одной науки, которая бы могла считать себя законченною, которая бы не сознавалась въ томъ, что она до сихъ поръ разрѣшила лишь очень незначительную долю тѣхъ задачъ, которыя она по существу своему должна была себѣ задать. Изъ этого же слѣдуетъ, что существенная разница между науками должна быть основана не на результатахъ ихъ изслѣдованій, но на ихъ задачахъ и стремленіяхъ, на томъ, что составляетъ *цѣль* ихъ историческаго развитія, къ чему направляются всѣ труды ихъ и стремленія. А въ этомъ отношеніи нельзя отрицать того, что цѣль всего развитія философіи есть прежде всего послѣдовательное примѣненіе основныхъ требованій критики къ первоначальнымъ основаніямъ человѣческаго знанія, имѣющимъ въ спеціальныхъ наукахъ лишь характеръ догматическій; и потому то философія заслуживаетъ имя науки *критической* по преимуществу, и можетъ указать на критическую самостоятельность мышленія, какъ на одну изъ своихъ отличительныхъ чертъ въ сравненіи съ другими науками.

III. Стремленіе философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, въ сравненіи съ другими науками.

19. Вторая особенность, отличающая существенно философію отъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ есть стремленіе ея къ образованію общаго міровоззрѣнія.

Уже выше (§ 7) указано было на это стремленіе, какъ на причину, по которой философію нельзя ограничить никакимъ спеціальнымъ предметомъ. Тамъ же доказано было, что это стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія свойственно всѣмъ безъ исключенія философамъ, даже и тѣмъ, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ доходятъ до болѣе скептическихъ и отрицательныхъ результатовъ; и у нихъ есть общее міровоззрѣніе, хотя и очень скудное и ихъ самихъ неудовлетворяющее, т. е. міровоззрѣніе скептическое и отрицательное.

Теперь слѣдуетъ намъ разобрать болѣе подробно это стремленіе философіи и сравнить оное со стремленіями и задачами спеціальныхъ наукъ. Съ этою цѣлью мы обратимъ наше вниманіе на два слѣдующіе момента: во 1-хъ на то, въ чемъ собственно состоитъ общее міровоззрѣніе и какое значеніе имѣетъ стремленіе къ нему въ средѣ общихъ стремленій человѣческаго духа? и во 2-хъ на отношеніе спеціальныхъ наукъ къ этому философскому стремленію.

1. *Сущность и значеніе стремленія къ образованію общаго міровоззрѣнія.*

20. *Міровоззрѣніе* есть взглядъ ума человѣческаго на все существующее или, собственно говоря, идеальный, умственный образъ вселенной, отражающійся въ умѣ человѣческомъ.

Міръ, вселенная суть понятія, основанныя на прирожденномъ стремленіи ума человѣческаго къ единству. Вводя въ безконечную множественность разнородныхъ явленій бытія идею о единствѣ, умъ человѣческій представляетъ себѣ все существующее уже не въ видѣ хаоса, но въ видѣ одного гармоническаго цѣлаго, въ которомъ многочисленность явленій основана на единствѣ общаго всѣмъ явленіямъ начала.

Критическая часть философіи имѣетъ предметомъ объяснить ближе производство этого понятія о мірѣ и вселенной, равно раз-

рѣшить вопросъ объ объективномъ значеніи единства, т. е. о томъ: существуетъ-ли единство въ бытіи независимо отъ нашего ума, или же оно есть лишь произведеніе ума? Для нашей настоящей цѣли довольно указать на то, что человѣкъ можетъ представить себѣ все существующее не иначе, какъ въ видѣ одного цѣлаго, одного міра, одной вселенной. Даже и самыя рѣзкія противорѣчія, которыя признавались часто основаніемъ и началомъ бытія, всегда были относимы къ одному и тому же міру, а не къ множеству разнородныхъ міровъ, по той простой причинѣ, что всѣ отношенія между разными мірами доводятъ непосредственно до понятія объ одномъ общемъ мірѣ, въ которомъ все остальное есть лишь частица. Какъ нельзя представить себѣ бытія иначе, какъ въ формахъ пространства и времени, такъ, равнымъ образомъ, оно не можетъ быть понято умомъ человѣческимъ иначе, какъ на основаніи идеи о единствѣ, т. е. въ видѣ одного, всеобнимающаго цѣлаго. Взглядъ на это единство бытія, обнаруживающееся въ безконечномъ множествѣ единичныхъ явленій, въ ихъ устройствѣ, взаимномъ пополненіи и сочетаніи, есть именно то, что мы называемъ *міровоззрѣніемъ*, и что составляетъ цѣль, къ которой стремятся всѣ истинно философскія изслѣдованія.

Разсматривая ближе, въ чемъ именно заключается это единство бытія, составляющее главный предметъ міровоззрѣнія, мы убѣждаемся въ томъ, что оно то и есть самая *сущность* бытія, которая заключаетъ въ себѣ съ одной стороны *причины* всѣхъ разнородныхъ явленій его, а съ другой обусловливаетъ собою *цѣль* и *назначеніе* всего существованія и развитія этихъ явленій. Безъ понятія о сущности бытія, заключающей въ себѣ единство какъ причинъ такъ и цѣлей всего существующаго, нѣтъ возможности создать единаго міровоззрѣнія, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ человѣческаго ума. Если бы мы хотѣли принять для каждаго единичнаго явленія *особое* начало, особую причину и цѣль, въ такомъ случаѣ міровоззрѣніе наше исключало бы единство. Каждое явленіе было бы, въ такомъ случаѣ, міромъ само по себѣ, не находящимся ни въ какой связи съ безконечнымъ числомъ другихъ міровъ. Только вслѣдствіе сведенія разныхъ явленій къ свойственнымъ имъ всѣмъ основаніямъ и началамъ, мы доходимъ все болѣе и болѣе до единаго міровоззрѣнія; совершенное же единство міровоззрѣнія

требуетъ обозначенія той первоначальной причины, которая служитъ началомъ всѣхъ безъ исключенія явленій бытія, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ цѣль и назначеніе какъ cadaго единичнаго явленія, такъ и всѣхъ совокупно взятыхъ.

Естественно, что и этотъ вопросъ о сущности бытія можетъ быть разрѣшенъ лишь на основаніи подробнаго философскаго изслѣдованія, переходящаго предѣлы нашей настоящей задачи, и потому, не разрѣшая здѣсь окончательно этого вопроса, скажемъ только, что умъ человѣческій, въ стремленіи своемъ познать все существующее, не ограничиваетъ себя познаніемъ однихъ явленій, непосредственно дѣйствующихъ на него, но стремится проникнуть какъ въ сокровенное начало всего существующаго, такъ и въ не менѣе сокровенную цѣль, къ которой направляется все движеніе, вся жизнь и развитіе бытія. Явленія міра, сами по себѣ, представляютъ лишь хаотическую массу; между тѣмъ умъ человѣческій стремится къ гармоническому единству. Явленія сами по себѣ обнаруживаютъ лишь непрерывное непостоянство бытія, непрерывное измѣненіе, возникновеніе и уничтоженіе его формъ; между тѣмъ умъ человѣческій по природѣ своей стремится къ постоянству и хочетъ отыскать твердую неизмѣнную причину всѣхъ этихъ измѣненій и переменъ бытія. Явленія, наконецъ, сами по себѣ, обнаруживаютъ собою до извѣстной степени безцѣльный фатализмъ; постоянное возникновеніе и исчезновеніе явленій, формъ и существъ міра представляется какъ бы лишеннымъ всякой цѣли, всякаго разумнаго назначенія; между тѣмъ для ума человѣческаго *цѣль и разумъ* — понятія, такъ тѣсно связанныя между собою, что онъ не можетъ представить себѣ ни разума безъ цѣли, ни цѣли безъ разума, и потому не можетъ уразумѣть существованія явленій міра иначе, какъ на основаніи понятія о его цѣли и назначеніи.

Эти то требованія человѣческаго ума относительно единства, постоянства и цѣлесообразнаго устройства бытія, служатъ главнымъ основаніемъ понятія о *сущности* его, какъ о единомъ, постоянномъ и неизмѣнномъ, цѣлесообразно дѣйствующемъ началѣ всего существующаго. Въ связи съ этимъ понятіемъ о *сущности* бытія, явленія міра лишаются для ума человѣческаго своего хаотическаго характера, своей измѣнчивости и непостоянства, своего непонятнаго для ума безцѣльнаго и неразумнаго су-

ществованія. Съ точки зрѣнія *сущности* бытія, всѣ явленія его принимаютъ совсѣмъ иной характеръ, подобающій самой сущности, и потому то познаніе *сущности* бытія составляетъ такую же потребность для ума человѣческаго, какъ познаніе его явленій. Можно еще больше сказать: познаніе явленій міра самихъ по себѣ, остается, какъ сами явленія, хаотическимъ, измѣнчивымъ, безцѣльнымъ; между тѣмъ познаніе сущности ведетъ къ гармоническому и полному міровоззрѣнію, обнимаетъ однимъ взглядомъ все существующее, начиная съ основнаго начала его и оканчивая сознаніемъ цѣли и назначенія всѣхъ его явленій, всей его жизни и развитія. Потому именно и философія, стремясь по существу своему къ образованію общаго міровоззрѣнія, обращаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на познаніе этой сущности бытія въ опредѣленномъ выше смыслѣ.

21. Противъ подобнаго стремленія философіи къ познанію *сущности* бытія возстаютъ, особенно въ новѣйшее время, два противника философіи, которые, популяризируя свои взгляды, причинили ей много зла и служатъ главнымъ поводомъ презрительнаго о ней мнѣнія большинства полу-образованныхъ. Этими противниками являются *скептицизмъ* и *утилитаризмъ* нашихъ временъ.

О новѣйшемъ *скептицизмѣ* можно-бы сказать очень много, хотя въ сущности очень мало поучительнаго и утѣшительнаго. Отличительная черта скептицизма нашихъ временъ, въ сравненіи со скептицизмомъ древняго міра, обнаруживается, главнымъ образомъ, въ томъ, что новѣйшій скептицизмъ непоследователенъ и неполонъ, т. е. что онъ относится скептически лишь къ нѣкоторымъ, а не ко всѣмъ вопросамъ человѣческаго познанія. Древній скептицизмъ былъ последовательнымъ развитіемъ принципа безусловнаго сомнѣнія, и потому утверждалъ, что человѣкъ ничего не способенъ познать, что все существующее лежитъ за предѣлами человѣческаго познанія; между тѣмъ новѣйшій скептицизмъ примѣняетъ принципъ сомнѣнія совсѣмъ произвольно, то къ тѣмъ, то къ другимъ вопросамъ, смотря по совершенно случайнымъ и произвольнымъ соображеніямъ, и потому то новѣйшій скептицизмъ соединяется обыкновенно съ самымъ грубымъ *догматизмомъ*. Древній скептицизмъ представлялъ философскій взглядъ, истекающій изъ последовательнаго, хотя и односторонняго развитія вполне вѣрнаго критическаго

принципа *сомнѣнія*; принципомъ-же новѣйшаго скептицизма, къ сожалѣнію, служить не сомнѣніе, но умственная вялость, которая признаетъ разрѣшимыми всѣ вопросы, не требующіе съ перваго взгляда, для своей разработки, большого умственного напряженія, а называетъ неразрѣшимыми всѣ тѣ вопросы, изслѣдованіе которыхъ требуетъ настоящаго умственного труда, напряженія всѣхъ безъ исключенія умственныхъ способностей.

Равнымъ образомъ новѣйшій скептицизмъ отличается рѣзко отъ приведеннаго выше (§ 16) критическаго начала сомнѣнія. *Критика* примѣняетъ сомнѣніе къ познанію въ видахъ достиженія несомнѣнной достовѣрности; она, какъ мы видѣли, превращаетъ всѣ догматическія предположенія въ гипотетическія и проблематическія, съ цѣлью ихъ ближайшаго *критическаго* анализа; между тѣмъ новѣйшій скептицизмъ устраняетъ своевольно разные догматическія предположенія, отрицая только просто ихъ содержаніе, безъ всякаго предварительнаго критическаго ихъ разбора, ради совершенно постороннихъ соображеній.

Согласно съ этимъ общимъ характеромъ новѣйшаго скептицизма, мы не встрѣчаемъ въ наше время нигдѣ особой самостоятельной скептической школы, какъ это было въ древнемъ мірѣ; напротивъ, у насъ скептицизмъ, соединяясь съ догматизмомъ, является всегда въ связи съ извѣстными положительными взглядами. Таковъ напр. *богословскій скептицизмъ*, т. е. скептицизмъ многихъ богослововъ, утверждающихъ, что разумъ человѣческій никакъ не способенъ постигнуть истины, хотя они сами признаютъ догматически истину откровенія, и то вѣроятно не безъ *разумнаго* основанія. Таковъ скептицизмъ многихъ изъ эмпириковъ и позитивистовъ нашихъ временъ, которые, будто-бы на основаніи скептическихъ началъ, отказываютъ человѣческому разуму въ возможности разрѣшить всѣ такъ-называемые *метафизическіе* вопросы; а между тѣмъ сами разрѣшаютъ произвольно самые важные вопросы познанія, ссылаясь только на свидѣтельство не разума, а чувствъ, наведенія и опыта. Таковъ, наконецъ, и *нравственный скептицизмъ* многихъ изъ новѣйшихъ политическихъ доктринеровъ, которые во имя скептицизма отвергаютъ всѣ основанія нравственной жизни и нравственнаго развитія человѣчества; а между тѣмъ предлагаютъ совершенно догматически, безъ малѣйшаго скептическаго недоумѣнія,

разнородныя фанатическія и фантастическія средства для достиженія будущаго благополучія человѣчества, основываясь при томъ на ученіяхъ и теоріяхъ, несравненно болѣе сомнительныхъ, чѣмъ тѣ, которыя они отвергаютъ. Вездѣ въ этихъ формахъ новѣйшаго скептицизма принципъ сомнѣнія не развивается послѣдовательно, какъ необходимое начало критики и достовѣрнаго познанія, но примѣняется совершенно произвольно, смотря по постороннимъ *догматическимъ* соображеніямъ.

22. Для нашего настоящаго вопроса особенно важна вторая изъ вышеприведенныхъ формъ новѣйшаго скептицизма, т. е. скептицизмъ многихъ эмпириковъ и позитивистовъ, противящихся главнымъ образомъ стремленію философіи къ познанію сущности бытія и къ образованію общаго міровоззрѣнія. Этотъ эмпирическій скептицизмъ называетъ всѣ разсужденія разума субъективными и недостовѣрными; по его взглядамъ, человѣческій разумъ не въ состояніи разрѣшить вопроса о сущности бытія, вообще всѣхъ вопросовъ *метафизическихъ*, и потому онъ признаетъ всѣ метафизическія изслѣдованія, касающіяся началъ бытія, рѣшительно невозможными. Между тѣмъ, съ другой стороны, тотъ-же скептицизмъ эмпириковъ и позитивистовъ довѣряетъ вполне свидѣтельству чувствъ и опыту, и убѣжденъ, что чувства составляютъ единственное основаніе достовѣрнаго и *объективнаго* познанія вещей.

Подробный анализъ этой формы скептицизма представилъ-бы намъ случай доказать обстоятельно высказанное выше положеніе объ умственной вялости всего новѣйшаго скептицизма. Въ самомъ дѣлѣ, удобнѣе и проще слѣпо довѣрять чувствамъ, чѣмъ задаваться отвлеченными критическими и трансцендентальными изслѣдованіями о значеніи разума въ познаніи вещей; удобнѣе и проще отнестись скептически ко всему, что ускользаетъ отъ чувственнаго осязанія, чѣмъ перейти въ темную область метафизики и попытаться освѣтить оную свѣтомъ разума; удобнѣе и проще непосредственно употреблять и примѣнять метафизическія понятія, чѣмъ задаваться изслѣдованіемъ ихъ происхожденія и критическаго значенія; удобнѣе, наконецъ, смотрѣть, чѣмъ мыслить; проще осязать чувствами, чѣмъ изслѣдовать разумомъ. И если-бы самая удобная и обще-доступная дѣятельность ума заключала въ себѣ начала всей истинной философіи, то, въ такомъ случаѣ, новѣйшій эмпиризмъ и позитивизмъ, со

своею *догматическою* вѣрою въ свидѣтельство чувствъ и опыта, соединенною съ *скептицизмомъ* относительно всѣхъ такъ называемыхъ метафизическихъ изслѣдованій разума, могъ-бы называть себя единственно возможною для человѣка философіею.

Но къ сожалѣнію самый удобный и пріятный путь не всегда и вѣрнѣйшій; равнымъ образомъ и познаніе доступной для человѣка истины не является всегда результатомъ самой простой и общедоступной дѣятельности чувствъ и такъ называемаго и высоко цѣнимаго *здравого смысла*, но требуетъ часто настойчиваго умственного труда, не отступающаго отъ дѣла ради одной трудности въ его разрѣшеніи, ради препятствій, встрѣчаемыхъ на пути. Напротивъ, какъ вездѣ, такъ и въ философіи господствуетъ общій законъ, что безъ труда нельзя ничего пріобрѣсти.

Истина доступна лишь для энергическаго ума, который не боится и самыхъ трудныхъ, такъ называемыхъ метафизическихъ изслѣдованій, и не предпочитаетъ удобное истинному, но готовъ принести и самыя очевидныя жертвы для того, чтобы только достичь своей цѣли: усвоенія и уразумѣнія истины. А потому одна трудность и сложность философскихъ и въ особенности метафизическихъ задачъ относительно познанія сущности бытія и образованія общаго міровоззрѣнія—не могутъ служить основаніемъ къ тому, чтобы называть эти задачи неразрѣшимыми и требовать, чтобы умъ человѣческій разъ на всегда отказался отъ всѣхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Для подобнаго рода аргументовъ доступны лишь вялые и малодушные, слѣдовательно нефилософскіе умы.

23. Но можетъ быть скептицизмъ новѣйшаго эмпиризма и позитивизма относительно философіи и ея метафизическихъ изслѣдованій можетъ сослаться въ оправданіе свое на болѣе основательныя и серьезныя аргументы. Я желаю быть справедливымъ и потому укажу и на нихъ.

Одинъ изъ такихъ аргументовъ основанъ на исторіи философіи и сводится къ положенію, что все развитіе философіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ по наше время, не разрѣшило вопроса относительно сущности бытія и не создало міровоззрѣнія полнаго и вѣрнаго, признаннаго всѣми. Всѣ стремленія въ этомъ направленіи оказались до сихъ поръ вполне бесполезными и напрасными, слѣдовательно, такъ заключаютъ позитивные скептики, мы не имѣемъ

никакаго основанія ожидать отъ будущаго развитія философіи того, чего мы не находимъ въ ея прошедшемъ, и потому разумнѣе ограничить познаніе доступнымъ для насъ чувственнымъ міромъ и разъ на всегда оставить въ покоѣ этотъ мрачный трансцендентальный міръ метафизики.

Разсматривая ближе и этотъ аргументъ, мы убѣждаемся, что и онъ, къ сожалѣнію, обнаруживаетъ въ сущности ту-же умственную вялость и то-же малодушіе, на которыя мы указали выше. Развѣ въ видахъ того, что до сихъ поръ задача философіи не разрѣшена, что ея стремленіе не достигло до сихъ поръ своей цѣли, мы должны отказаться отъ надежды на будущій успѣхъ и пріостановить всѣ труды по этому направленію? Не можемъ-ли предположить, что исторія философіи — хотя-бы она до сихъ поръ и была ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ промаховъ, ошибокъ и безуспѣшныхъ попытокъ, — приведетъ насъ со временемъ къ этой цѣли, обличая вполне всѣ невѣрные и ложные пути? Какое основаніе вообще той логики, по которой неуспѣшность прошедшаго можетъ служить доказательствомъ будущей неуспѣшности? Такова лишь логика умственной вялости и малодушія. По этой логикѣ Колумбъ никогда не открылъ-бы Америки, ибо главная идея его отыскать кратчайшій путь въ Индію опровергалась-бы безуспѣшными попытками его многочисленныхъ предшественниковъ. По этой логикѣ было-бы напраснымъ всякое стремленіе къ какому-нибудь новому открытію, къ какой-либо истинѣ, на томъ основаніи, что исторія человѣчества не представляетъ намъ ничего тому подобнаго. При такой логикѣ, основанной на умственной вялости, мы не имѣли-бы до сихъ поръ ни паровозовъ, ни электрическихъ телеграфовъ, и должны были-бы считать неразумными всѣхъ тѣхъ, которые трудятся надъ усовершенствованіемъ, или, собственно говоря, надъ отысканіемъ основныхъ приемовъ воздухоплаванія. Кто имѣетъ право утверждать, что послѣдующія поколѣнія не будутъ съ тою-же безопасностью и твердостью путешествовать по воздуху, съ какою мы въ настоящее время путешествуемъ по землѣ и морю? А если это считается возможнымъ, то на какомъ основаніи мы откажемъ стремленіямъ философскимъ, въ особенности метафизическимъ, въ возможности будущаго твердаго прогресса? Почему разумъ человѣческій не могъ-бы со временемъ отыскать приемы и началъ, которыя предоставятъ ему

возможность вѣрно и самостоятельно обращаться къ такъ называемому трансцендентальному міру?

Однимъ словомъ, отказаться отъ стремленія къ познанію и самыхъ сокровенныхъ и трудныхъ для насъ вопросовъ есть признакъ малодушія, лишаящаго человѣчество всякаго вообще прогресса, есть умственная опущенность, которой должны стыдиться всѣ умы серьезные, всѣ умы борющіеся за познаніе истины, за умственное развитіе человѣчества.

Впрочемъ, какимъ-же образомъ окончательно разрѣшить вопросъ о возможности или невозможности познать сущность вещей, безъ постоянныхъ попытокъ въ этомъ направленіи? Что было труднымъ или даже невозможнымъ вчера, можетъ сдѣлаться легкимъ и возможнымъ завтра; чего не удалось сдѣлать послѣ десяти попытокъ, можетъ быть сдѣлано послѣ сотой попытки; что осталось безъ малѣйшаго успѣха въ прошедшемъ, можетъ быть увѣнчано самымъ блистательнымъ успѣхомъ въ будущемъ; а потому именно изъ неуспѣшности прошедшаго философіи нельзя никакимъ образомъ заключать о невозможности ея успѣха въ будущемъ. Въ томъ-то именно состоитъ самая главная ошибка скептицизма, примѣняемаго къ философіи новѣйшимъ эмпиризмомъ и позитивизмомъ.

Предоставляемъ всякому проводить свою жизнь въ умственной вялости и заниматься лишь изученіемъ вопросовъ, требующихъ обыкновеннаго умственного напряженія и труда; но смѣяться надъ тѣми, которые, будучи одарены умомъ болѣе энергичнымъ и дѣятельнымъ, берутся за разрѣшеніе самыхъ трудныхъ вопросовъ познанія и стремятся къ высшей цѣли умственного развитія, къ образованію полного и при томъ вѣрнаго міровоззрѣнія — этого уже допустить нельзя, это не можетъ быть оправдано ихъ подѣ часъ неуспѣшными попытками, ибо неуспѣшныя попытки въ дѣлахъ, достойныхъ человѣческаго ума, должны возбудить во всякомъ благородномъ умѣ энергичное содѣйствіе и вспомошествованіе, а не насмѣшку или пассивное сожалѣніе и снисхожденіе. Объ этомъ забываетъ совершенно большинство новѣйшихъ эмпириковъ и позитивистовъ въ своихъ разсужденіяхъ о философіи, о ея стремленіи къ разрѣшенію метафизическихъ вопросовъ и образованію общаго міровоззрѣнія.

24. Еще одинъ аргументъ новѣйшаго позитивнаго скептицизма противъ философіи, особенно метафизики, обнаруживается въ

томъ положеніи, что истинное, достовѣрное познаніе возможно не на основаніи отвлеченныхъ разсужденій разума, но лишь исключительнo на основаніи чувственнаго наведенія и опыта; а такъ какъ опытъ этотъ до сихъ поръ не представляетъ намъ достаточныхъ матеріаловъ для познанія сущности бытія и образованія общаго міровоззрѣнія, то слѣдуетъ отказаться отъ подобныхъ стремленій по крайней мѣрѣ до того времени, пока эмпирическія науки не достигнутъ до болѣе обширныхъ и точныхъ результатовъ.

Мы коснулись уже нѣсколько разъ въ настоящей рѣчи вопроса о *методѣ* философіи, но каждый разъ мы обходили его, какъ не относящійся непосредственно къ нашему предмету; потому и здѣсь не намѣрены задаваться этимъ вопросомъ подробно. Въ отвѣтъ на вышеприведенное возраженіе позитивнаго скептицизма противъ философіи скажемъ только слѣдующее.

Догматическое довѣріе эмпиризма и позитивизма къ свидѣтельству чувствъ и къ чувственному опыту не имѣетъ основанія болѣе, чѣмъ довѣріе раціоналистовъ къ дѣйствию разума. Ежели позитивисты называютъ дѣйствіе разума, его начала и законы *субъективными* и противопоставляютъ имъ дѣйствіе чувствъ и опытъ, какъ основанные будто-бы на *объективныхъ* началахъ и законахъ, то подобное положеніе есть лишь слѣдствіе страшнаго смѣшенія понятій.

Дѣйствіе какъ *разума* такъ и *чувствъ* основано на извѣстныхъ приращенныхъ законахъ ума, истекающихъ какъ изъ физической такъ и изъ умственной организаціи человѣка; слѣдовательно, ежели дѣйствіе разума будетъ названо субъективнымъ, то такимъ-же именемъ слѣдуетъ назвать и дѣйствіе чувствъ, основанное на той-же самой *субъективной* организаціи; ежели-же мы имѣемъ основаніе изъ субъективной дѣятельности чувствъ выводить извѣстныя положенія, которыя признаемъ истинными въ *объективномъ* смыслѣ, въ такомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшей причины отказать и разуму въ подобномъ-же объективномъ значеніи.

Сверхъ того чувства и опытъ не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для истиннаго и критическаго познанія вещей, безъ разработки представляемаго ими матеріала со стороны *разума*, по слѣдующимъ причинамъ.

Всякое познаніе стремится по существу своему къ положеніямъ, имѣющимъ характеръ *всеобщности* и *необходимости*; т. е.

умъ человѣческій, а затѣмъ и каждая критическая наука, признаетъ истинными лишь положенія, имѣющія всеобщее и необходимое значеніе, — положенія, которыя остаются одними и тѣми-же вездѣ и всегда. Но уже Кантъ, гениальный основатель истинно критической философіи, доказалъ несомнѣннымъ образомъ, что подобный характеръ всеобщности и необходимости присущъ только положеніямъ, основаннымъ на *разумѣ* и его законахъ; между тѣмъ положенія, имѣющія свой источникъ въ одномъ свидѣтельствѣ чувствъ и чувственного опыта, сами по себѣ имѣютъ всегда лишь характеръ *единичности* и *случайности*. Положенія разума всегда *аподиктичны*, положенія чувствъ и опыта всегда лишь *ассерторичны*. Чувства и опытъ могутъ насъ довести лишь до заключенія, что то или другое явленіе, тотъ или другой фактъ происходитъ такъ или не такъ; но чувства и опытъ сами по себѣ не могутъ доказать, что данный фактъ, данное явленіе *должно* быть по логической необходимости *всегда и вездѣ* такимъ или такимъ, и что оно не можетъ быть никогда и нигдѣ инымъ.

Эмпирикъ сообщаетъ лишь только то, что видѣлъ и слышалъ, что осязалъ чувствами; по *необходимости* и *всеобщности* данныхъ фактовъ онъ не видитъ и не слышитъ, не осязаетъ чувствами; отчего на основаніи чувствъ и опыта въ этомъ отношеніи ничего сказать не можетъ. Потому то и каждый эмпирическій фактъ можетъ быть нами оспариваемъ, до тѣхъ поръ пока мы сами не будемъ свидѣтелями его. Напротивъ истины разума *неоспоримы*, потому что имъ присущи непосредственно всеобщность и логическая необходимость.

Математикъ и логикъ на пр. не указываютъ только эмпирически на содержаніе своихъ положеній, на пр. — того положенія, что противорѣчація другъ другу положенія не могутъ быть вмѣстѣ истинными; но они убѣждаютъ насъ непосредственно, что ихъ положенія немогутъ быть отмѣнены никогда и нигдѣ; что они имѣютъ всеобщее и необходимое значеніе; а вслѣдствіе того истины математическія и логическія неоспоримы и этою неоспоримостью отличаются рѣзко отъ всѣхъ эмпирическихъ истинъ.

Если намъ сообщаютъ эмпирическія истины, какъ напр. что было изверженіе Везувія, во время котораго подверглись разрушенію нѣсколько деревень; что сѣверное сіяніе было видимо и въ очень

отдѣленныхъ мѣстахъ южной Европы; или даже такія истины, какъ: вода состоитъ изъ столькихъ то частицъ кислорода и водорода, или камень падаетъ на землю съ такою то скоростью, то всё эти истины могутъ быть нами признаны и приняты какъ несомнѣнныя и многократно подтвержденныя явленія, но *почему* все это такъ и не иначе, *почему* было изверженіе Везувія, которое послужило причиною столькихъ несчастій, почему вода заключаетъ въ себѣ столько то частицъ кислорода и не болѣе и не менѣе,—этого мы уже изъ самаго опыта узнать не можемъ; это можетъ быть разрѣшено лишь при содѣйствіи разнородныхъ умственныхъ процессовъ, основанныхъ на прирожденныхъ законахъ разума, напр. на законѣ о достаточномъ основаніи, объ исключеніи противорѣчій и т. д. Между тѣмъ математическія и логическія истины ясны сами по себѣ, независимо отъ опыта даже и тогда, когда онѣ находятся въ противорѣчій со свидѣтельствомъ чувствъ, которое такъ часто и въ опытныхъ наукахъ должно уступать требованіямъ и доказательствамъ разума.

Изъ всего сказаннаго видно, что чувственный опытъ въ состояніи довести насъ до истинныхъ положеній, имѣющихъ всеобщее и необходимое значеніе, лишь при содѣйствіи *разума*. Опытъ и наведеніе сами по себѣ представляютъ намъ лишь хаотическій, случайный матеріалъ, который только на основаніи примѣненія къ нему законовъ и требованій разума, т. е. только на основаніи разумной обработки доводитъ до истинныхъ положеній и вѣрныхъ познаній. То, что опытные науки называютъ *законами* извѣстныхъ рядовъ явленій, есть не что иное какъ результатъ примѣненія требованій и законовъ разума къ даннымъ явленіямъ, результатъ разработки опытнаго матеріала со стороны разума. Слѣдовательно мы можемъ прямо сказать: *Опытъ самъ по себѣ не только не достовѣренъ разума, но вся его достовѣрность зависитъ именно отъ достовѣрности положеній разума, разрабатывающаго матеріалъ опыта*. Ежели законы и требованія разума субъективны, безъ истиннаго объективнаго значенія; то и опытъ, доходящій до своихъ положеній лишь при содѣйствіи разума, можетъ имѣть только субъективный характеръ.

Впрочемъ, ближайшій критическій анализъ какъ опыта такъ и разума убѣдилъ бы насъ въ томъ, что мы не имѣемъ ни малѣйша-

го основанія разбивать умственные способности человѣка на эти двѣ будто бы противоположныя способности и дѣйствія; еще менѣе имѣемъ мы основаніе ограничить философію дѣятельностью одного такъ называемаго отвлеченнаго или чистаго разума, а спеціальнымъ наукамъ приписать исключительно поприще опыта. Умственная дѣятельность человѣка никакъ не въ состояніи разорвать этихъ основныхъ элементовъ своихъ, и основывать свои изслѣдованія на томъ или другомъ исключительно. Всѣ философскія системы, которыя по принципу основывались на одномъ лишь разумѣ, показываютъ намъ на практикѣ столько элементовъ опыта, что критика никакимъ образомъ не можетъ признать за ними требуемаго ими названія системъ *чистаго* разума. Равнымъ образомъ, съ другой стороны, всѣ опытные науки, гордясь своимъ опытомъ и пренебрегая такъ часто отвлеченными требованіями разума, не могутъ однако ни на шагъ освободиться отъ сего послѣдняго, но подвергаются постоянно и по необходимости его вліянію. Что бы доказать опытнымъ наукамъ, что каждое изъ ихъ положеній заключаетъ въ себѣ элементы пренебрегаемаго ими субъективнаго и отвлеченнаго разума, для того не требуется глубокой критики.

Познаніе есть процессъ, истекающій изъ взаимнаго дѣйствія и постояннаго взаимнаго пополненія *всѣхъ* умственныхъ способностей человѣка; и потому то нельзя никакимъ образомъ разсуждать о познаніяхъ чистаго разума, независящихъ отъ опыта, ни объ опытныхъ познаніяхъ, свободныхъ отъ всякаго вліянія со стороны прирожденныхъ требованій и законовъ разума. Познаніе *одно*, какъ и истина *одна*; всѣ же разныя умственные способности человѣка служатъ необходимыми пособіями для достиженія цѣли познанія, общей всѣмъ безъ исключенія наукамъ.

Потому то мы и не можемъ признать основательнымъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что философія отличается отъ другихъ наукъ главнымъ образомъ тѣмъ, что ея исключительнымъ основаніемъ служить *разумъ*, а не опытъ. Напротивъ, по нашему убѣжденію, вопросъ о методѣ не касается вопроса о чертахъ, отличающихъ философію отъ другихъ наукъ. Всѣ науки пользуются однимъ и тѣмъ же общимъ методомъ, или говоря точнѣе, всѣ науки пользуются всѣми существующими методами, и не могутъ достигнуть своей цѣли безъ взаимнаго пополненія одного другимъ.

Естественныя науки вовсе не индуктивны по преимуществу; рядомъ съ чувственнымъ опытомъ играютъ у нихъ такую же самую важную роль и дедукція, и разсужденія разума, и выводъ частныхъ истинъ изъ *общихъ* признанныхъ разумомъ положеній; можно даже сказать, что во всѣхъ истинныхъ положеніяхъ естествознанія, имѣющихъ характеръ *всеобщій* и *необходимый*, преобладаетъ элементъ разума. На это указалъ уже одинъ изъ гениальнѣйшихъ естествоиспытателей нашего времени Юстусъ Либигъ *). Съ другой же стороны философія послѣ Гегеля, и въ классической странѣ своей, Германіи, уже давно отказалась отъ разсужденій, основанныхъ исключительно на такъ называемомъ чистомъ разумѣ и пользуется опытомъ и индукціею наравнѣ съ другими науками. И такъ мы можемъ сказать, что всѣ недостатки человѣческаго разума присущи не одной философіи, но всѣмъ вообще наукамъ; а всѣ разхваливаемые удобства опыта и индукціи содѣйствуютъ развитію и усовершенствованію не однихъ спеціальныхъ наукъ, но равнымъ образомъ и философіи.

25. Остается только еще разсмотрѣть послѣднее возраженіе позитивнаго скептицизма противъ философіи, заключающееся въ томъ, что настоящее состояніе нашихъ достовѣрныхъ знаній не представляетъ еще возможности и думать объ осуществленіи стремленія философіи къ познанію сущности бытія, къ образованію общаго міровоззрѣнія, и что поэтому слѣдуетъ зложить подобнаго рода метафизическія стремленія до позднѣйшаго, болѣе удобнаго времени.

И это возраженіе я не могу себѣ объяснить иначе, какъ умственною вялостью и опущенностію тѣхъ, которые высказываютъ оное, а именно по слѣдующимъ причинамъ.

Во первыхъ спрашивается, на какомъ же основаніи противники философіи, особенно метафизики, убѣдились въ томъ, что наши настоящія знанія не достаточны для образованія общаго міровоззрѣнія? Подобнаго вопроса нельзя рѣшить а priori, безъ основательныхъ и часто повторяемыхъ на этомъ поприщѣ попытокъ. Тѣ, которые, не задаваясь метафизическими вопросами, утверждаютъ

*) См. *Liebig, Ueber Francis Baco von Verulam und die Methode der Naturforschung. 1863.*

a priori, что наши знанія и способности не достаточны для разрѣшенія этихъ вопросовъ, похожи на путешественника, который, встрѣчая неожиданно на дорогѣ гору, останавливается или даже возвращается домой, воображая и убѣждая другихъ, что въ настоящее время силы его недостаточны подняться на гору. Подобнаго туриста, который безъ серіозныхъ попытокъ отсталъ бы отъ своей преднамѣренной цѣли, мы, безъ сомнѣнія, назовемъ лѣнивымъ, малодушнымъ и трусливымъ. Такого же названія заслуживаютъ всѣ тѣ, которые безъ серіозныхъ попытокъ относительно познанія сущности бытія и образованія общаго міровоззрѣнія, т. е. безъ попытокъ метафизическихъ, утверждаютъ, что наши настоящія пособія не достаточны для достиженія этой цѣли; что стремленія въ этомъ направленіи слѣдуетъ отложить до позднѣйшаго времени.

О возможности или невозможности образовать достовѣрное міровоззрѣніе можетъ судить лишь тотъ, кто пытался создать оное. Даже на неуспѣшныя попытки другихъ нельзя ссылаться, потому что никто впередъ не можетъ утвердительно сказать, что не достигнетъ преднамѣренной цѣли, ежели избѣгнетъ промаховъ другихъ и съ болѣею энергіею соединитъ болѣшую основательность и научную строгость. Однимъ словомъ, только философъ и метафизикъ, вообще только стремящійся къ образованію міровоззрѣнія, можетъ судить о его возможности или невозможности; всѣ же эмпирики и позитивисты, которые безъ подобнаго стремленія, *a priori*, называютъ метафизику неосновательною и невозможною, похожи на приведеннаго выше лѣниваго туриста.

Но *во вторыхъ*, если и допустить, что эмпирики и позитивисты доказали недостаточность нашихъ настоящихъ знаній для образованія полнаго, совершеннаго, законченнаго міровоззрѣнія, то однако все это не освобождаетъ ихъ отъ стремленія къ образованію доступнаго для настоящаго времени міровоззрѣнія, и не даетъ имъ нисколько права называть стремленія философіи въ этомъ направленіи пустыми.

Никто изъ критическихъ философовъ не утверждалъ, что онъ достигъ совершеннаго, законченнаго міровоззрѣнія, что позднѣйшимъ поколѣніямъ ничего не остается дѣлать послѣ него. Напротивъ, каждый изъ нихъ сознается въ ограниченности и въ различныхъ недостаткахъ человѣческаго знанія; и потому не думаетъ,

что человѣчество могло бы достигнуть въ скоромъ времени совершеннаго, непогрѣшимаго міровоззрѣнія. Но тѣмъ неменѣе, каждый серіозный философъ стремится къ этой цѣли, имѣя въ виду міровоззрѣніе, если не вполне законченное, абсолютно совершенное, то по крайней мѣрѣ такое, которое достигло бы въ данномъ времени совершенства, возможнаго для данныхъ знаній и пособій; и отъ подобнаго стремленія можетъ снова отказаться лишь умственная вялость.

Положимъ, что приведенный нами выше туристъ не въ силахъ взлѣсть на самую вершину горы, съ которой онъ былъ-бы въ состояніи обнять однимъ взглядомъ самыя обширныя пространства; долженъ ли онъ вслѣдствіе того остаться у подошвы горы и не стараться взлѣсть по крайней мѣрѣ на столько, на сколько окажется возможнымъ для него? Пусть онъ не достигнетъ вершины, пусть дойдетъ лишь до половины ея высоты или даже менѣе, все таки уровень его взгляда поднимется и его внимательному взору представятся предметы, которые остались-бы недоступными для него, когда бы онъ остался стоять у подошвы. Подобнымъ образомъ и доказательство невозможности достичь вершины человѣческихъ понятій и образовывать совершенное міровоззрѣніе не освобождаетъ ни одного серіознаго мыслителя отъ обязанности стремиться по крайней мѣрѣ достигнуть *возможной* для него умственной высоты и образовать міровоззрѣніе, обнимающее собою все доступное для нашего умственного взора.

Словомъ, всѣ скептическія возраженія новѣйшихъ эмпириковъ и позитивистовъ противъ философіи и ея существеннаго стремленія къ образованію общаго міровоззрѣнія оказываются неосновательными, и не будутъ въ состояніи потушить этого стремленія во всѣхъ серіозныхъ мыслителяхъ. Сіи послѣдніе оказывались всегда недоступными для аргументовъ, основанныхъ на умственной вялости, на опущенности и малодушіи; носъ врожденнымъ ихъ духу жаромъ и любовью къ истинѣ приступаютъ къ осуществленію преднамѣренныхъ высокихъ цѣлей, даже и послѣ самыхъ грустныхъ неудачъ и послѣ неуспѣшныхъ попытокъ цѣльныхъ вѣковъ.

26. Окончивъ дѣло съ новѣйшимъ скептицизмомъ, мы должны, хотя вкратцѣ, обратить вниманіе и на *утилитаризмъ* нашихъ временъ, который равнымъ образомъ называетъ пустыми всѣ стремленія философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, съ той толь-

ко разницей, что для него подобныя стремленія являются не столько невозможными, какъ это утверждаетъ скептицизмъ, сколько *без-
полезными*, т. е. безъ пользы для такъ называемой практической жизни.

Часто можно слышать мнѣніе, что философія наука совершенно непрактическая, что она занимается лишь какимъ то трансцендентальнымъ міромъ, который, если и существуетъ и если и можетъ быть постигнутъ, не имѣетъ однако никакого значенія для ближайшихъ практическихъ потребностей человѣка и ничѣмъ не содѣйствуетъ его благосостоянію, этой главной и самой важной цѣли человѣческаго бытія, этого необходимаго условія всякаго умственнаго развитія. Въ этомъ то духѣ противники философіи указываютъ очень часто на естествознаніе, и на непосредственно осязательную пользу, приносимую имъ человѣчеству; на всѣ удобства и выгоды, истекающія для практической жизни изъ разнородныхъ изслѣдованій и открытій естественныхъ наукъ; а такъ какъ утилитаристы не ожидаютъ подобной пользы отъ изслѣдованій философіи, то называютъ ее наукою вполне излишнею, пустою.

Я думаю, что въ средѣ научно образованныхъ людей нѣтъ надобности подробно разбирать возраженій утилитаризма противъ философіи, ибо подобнаго рода возраженія касаются не одной философіи, но всѣхъ вообще наукъ, на сколько онѣ стремятся къ своимъ самостоятельнымъ цѣлямъ и не подчиняются никакимъ постороннимъ соображеніямъ практической жизни. Потому укажемъ лишь только на нѣкоторыя, самыя рѣзкія противорѣчія между утилитаризмомъ и сущностью каждой науки, слѣдовательно и философіи.

По мнѣнію утилитаризма *наука* должна быть лишь сотрудницею такъ называемой практической жизни, ея потребностей и цѣлей. Утилитаризмъ не признаетъ значенія *истины*, *познанія*, какъ самостоятельныхъ цѣлей, но оцѣняетъ оныя лишь съ точки зрѣнія непосредственной осязательной пользы, приносимой ими. Но это противно какъ теоретическому существу науки, такъ и цѣлямъ самаго утилитаризма.

Каждая наука, всякое познаніе имѣютъ сами по себѣ значеніе, независимо отъ пракческаго примѣненія и отъ пользы, которую приносятъ. По убѣжденію всѣхъ преданныхъ наукъ умовъ, понимающихъ ея существенныя задачи, истина сама по себѣ полезна и

составляетъ совершенно самостоятельную и вполне оправданную цѣль человѣческой дѣятельности; она есть одна изъ прирожденныхъ потребностей человѣка, потребность равно осязательная, какъ и всѣ потребности такъ называемой практической жизни, и потому познаніе истины имѣетъ значеніе само по себѣ, и по существу своему не можетъ никакъ служить лишь средствомъ и пособіемъ для достиженія постороннихъ цѣлей.

Впрочемъ не трудно доказать, что введеніе утилитарныхъ соображеній въ науку ограничиваетъ какъ нельзя больше истинную практическую пользу ея, и потому утилитаризмъ, введенный въ науку, является своимъ собственнымъ противникомъ, ибо препятствуетъ наукѣ быть вполне и всесторонне полезною для практической жизни. Научныя изслѣдованія не могутъ никогда предсказать, доведутъ-ли они до результатовъ удобопримѣнимыхъ на практикѣ и приносящихъ практическую пользу. Исторія наукъ представляетъ многочисленные примѣры тому, что изслѣдованія и стремленія, которыя сразу не имѣли никакой практической цѣли и основывались лишь на одной прирожденной человѣку любознательности, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, довели однако до результатовъ, имѣющихъ самое важное практическое и утилитарное значеніе, не предвидѣнное и не предназначенное самими изслѣдователями. А по сему ограничить научныя изслѣдованія какимъ нибудь узкимъ утилитаризмомъ значило-бы вредить самимъ практическимъ цѣлямъ, въ пользу которыхъ были-бы ограничены научныя изслѣдованія. Практическая жизнь лишилась-бы очень многихъ чрезвычайно полезныхъ знаній, если-бы ученые изслѣдователи имѣли въ виду главнымъ образомъ не познаніе истины ради ея самой, а какія либо постороннія утилитарныя соображенія.

Все это кажется такъ ясно, что нельзя понять, на какомъ основаніи часто и серіозные ученые порицаютъ философію за то, что она не практична, что стремленія ея не находятся въ непосредственной связи съ потребностями и стремленіями обыденной жизни; между тѣмъ вопросъ не въ томъ: полезна-ли философія технику или кушчу, фокуснику или литератору? но въ томъ: расширяетъ-ли она умственный горизонтъ людей, содѣйствуетъ-ли она въ чемъ-либо познанію и уразумѣнію истины, полезной какъ мы видѣли, самой по себѣ?

27. На эти послѣдніе вопросы, я думаю, никто изъ знающихъ философію не рѣшится отвѣчать отрицательно.

Стремленіе философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, независимо даже отъ успѣшности его, содѣйствуетъ, во всякомъ случаѣ, разширѣнію взглядовъ человѣка какъ на міръ вообще такъ и на свое отношеніе къ нему, на свое назначеніе въ общемъ развитіи бытія. Человѣкъ, какъ существо разумное, одаренное мыслію и сознаниемъ, не можетъ и не хочетъ оставаться чуждымъ какъ относительно самого себя такъ и относительно всего міра, въ которомъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, въ которомъ онъ предназначаетъ себѣ извѣстныя задачи и цѣли. Исторія человѣчества показываетъ намъ на каждомъ шагѣ, какое громадное и осязательное вліяніе на все развитіе человѣчества производили и производятъ разнородныя міровоззрѣнія, прививаемыя глубокими мыслителями къ разнымъ народамъ и временамъ. Значеніе разныхъ идей для жизни народовъ признано, кажется, всѣми серіозными историками; но значеніе это основано, главнымъ образомъ, не на дѣйствіи той или другой единичной идеи, взятой отдѣльно и отвлеченно, но на послѣдовательномъ сочетаніи многихъ разнородныхъ идей въ одно общее міровоззрѣніе; такъ что слѣдуетъ сказать, что идеальною пружиною развитія и всѣхъ стремленій народовъ служатъ не отдѣльныя отвлеченныя идеи, но цѣлыя послѣдовательно развитыя и законченныя міровоззрѣнія.

Постоянная борьба древнѣйшихъ народовъ отдаленнаго востока велась не во имя той или другой отвлеченной самостоятельной идеи, но во имя разныхъ религіозныхъ міровоззрѣній, противорѣчившихъ другъ другу. Классическая исторія Грековъ тѣсно связана съ общимъ міровоззрѣніемъ этого народа, по которому божество было отождествляемо непосредственно съ природою, проникало еѣ и требовало отъ человѣка гармоническаго развитія всѣхъ его способностей, чтобы и онъ сдѣлался богомъ, въ формѣ чувственнаго, естественнаго существа.

Равнымъ образомъ все благодатное вліяніе христіанства на развитіе человѣчества, на облагороживаніе и улучшеніе обычаевъ, на поддержаніе нравственнаго духа и всѣхъ идеальныхъ стремленій народовъ, — не можетъ быть сведено къ дѣйствію одной какой либо отвлеченной идеи, какъ напр. къ идеѣ о любви къ ближнему, о общемъ братствѣ людей и т. д., но основывается на всемъ хри-

стіанскомъ *міровоззрѣніи*, по которому Богъ есть истинный Отець челоѣчества, приносящій по любви къ нему самыя осятельныя жертвы, въ воздаяніе за которыя челоѣкъ долженъ смотрѣть на жизнь, какъ на школу, имѣющую цѣлью его нравственное усовершенствованіе, спасеніе отъ всѣхъ золъ и недуговъ, какъ духовныхъ такъ и физическихъ. Только во имя такого полного и законченнаго *міровоззрѣнія* сдѣлалось возможнымъ распространеніе христіанства, при всѣхъ угнетеніяхъ, сопровождавшихъ первые вѣка его существованія; ибо только въ виду подобнаго міровоззрѣнія могло появиться истинное христіанское мученичество, которое силою духа преодолѣло всѣ физическія угнетѣнія.

Равнымъ образомъ во всей исторіи новѣйшихъ народовъ дѣйствуютъ не отдѣльныя идеи, но цѣлыя міровоззрѣнія; только сіи послѣднія въ состояніи одушевить массы и возбудить ихъ къ какому либо общему движенію; между тѣмъ какъ отдѣльныя идеи, со своимъ отвлеченнымъ содержаніемъ, доступны лишь личностямъ болѣе образованнымъ.

Такъ напр., обращая вниманіе на новѣйшую исторію народовъ, мы видимъ, что историческаго движенія, вызваннаго французскою революціею прошедшаго вѣка, относительно своего *идеальнаго* начала (о его внѣшнихъ соціальныхъ и другихъ началахъ мы здѣсь не говоримъ), нельзя никакимъ образомъ объяснить дѣйствіемъ одной какой либо отвлеченной идеи, какова напр. идея о политической свободѣ. Сія послѣдняя имѣла очень ничтожное значеніе во всемъ этомъ движеніи, что доказывается ужаснѣйшимъ фанатическимъ терроризмомъ и деспотизмомъ всѣхъ революціонеровъ. Настоящимъ идеальнымъ началомъ всѣхъ революціонныхъ движеній новѣйшихъ временъ служитъ совершенно полное и законченное *міровоззрѣніе*, именно міровоззрѣніе, распространяющееся все болѣе и болѣе съ XVIII вѣка, по которому матерія и чувственная природа служатъ единственнымъ основаніемъ міра, а всѣ религіозныя и нравственныя понятія, понятія о существованіи Бога и безсмертіи души, признаются лишь иллюзіями и произвольными вымыслами прошедшихъ временъ; вслѣдствіе чего, по этому міровоззрѣнію, все назначеніе челоѣка ограничивается его физическою жизнью, а вся цѣль его существованія можетъ состоять лишь въ слѣдующемъ: воспользоваться и наслаждаться жизнью на сколько возможно; не ограни-

чивать себя въ этомъ стремленіи никакими религіозными и нравственными предубѣжденіями, если это возможно безъ причиненія себѣ осязательнаго вреда; высшую цѣль своей практической дѣятельности искать въ своемъ собственномъ благосостояніи и благополучіи; требовать отъ общества и государства, чтобы они стремились исключительно къ этимъ же цѣлямъ и имѣли въ виду прежде всего матеріальное благосостояніе всѣхъ классовъ народа; нравственность и религія, образованіе и наука должны лишь служить средствомъ и пособіями для достиженія этой высшей, единственно естественной и справедливой цѣли всего человѣческаго существованія. Однимъ словомъ, идеальнымъ началомъ главныхъ историческихъ движеній новѣйшихъ временъ есть *міровоззрѣніе*, метафизикою котораго служатъ *натурализмъ* и *матеріализмъ*, а нравовученіе котораго сводится къ *евдемонизму* и *эгоизму*.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого міровоззрѣнія находится неоспоримо и наше время. Не смотря на протестъ самыхъ лучшихъ, глубокихъ и основательныхъ ученыхъ и мыслителей, это міровоззрѣніе въ настоящую минуту сдѣлалось популярнѣйшимъ изъ всѣхъ существующихъ, во имя котораго дѣйствуютъ не только массы народа, но и большинство полуобразованныхъ. На основаніи этого міровоззрѣнія развиваются въ наше время, на поприщѣ наукъ, главнымъ образомъ естествознаніе, а на поприщѣ практической жизни — техника, индустрія и торговля.

Я вовсе не намѣренъ критиковать здѣсь этого міровоззрѣнія, разбирать подробно элементовъ какъ истины такъ и лжи, находящихся въ немъ. Я указалъ на него въ связи съ другими господствовавшими въ исторіи міровоззрѣніями лишь для того, чтобы показать, какое громадное вліяніе имѣютъ на все развитіе человѣчества разнородныя господствующія міровоззрѣнія, въ какой тѣсной связи они находятся со всею жизнью, съ самими практическими стремленіями народовъ.

Въ виду подобныхъ фактовъ исторіи никто не можетъ отказать въ самомъ осязательномъ значеніи всѣмъ стремленіямъ, имѣющимъ цѣлью образовать общее воззрѣніе на міръ; ибо вся исторія человѣчества убѣждаетъ насъ въ томъ, что развитіе и дѣятельность народовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ господствующихъ въ нихъ воззрѣній, отъ ихъ взглядовъ какъ на сущность бытія, такъ

и на отношеніе челоуѣка къ ней, равно на его настоящее назначеніе. А изъ этого слѣдуетъ, что и будущій прогрессъ челоуѣчества зависитъ, главнымъ образомъ, отъ усовершенствованія господствующаго въ народахъ міровоззрѣнія. Оно одно указываетъ народамъ на цѣль ихъ существованія и развитія; оно одно въ состояніи сопрягать всѣ разнородныя силы, способности и стремленія дѣйствующія въ томъ или другомъ народѣ, и дать имъ направленіе, соотвѣтствующее его истиннымъ задачамъ и назначенію, его настоящей исторической миссіи. Народы, не вырабатывающіе въ своей средѣ міровоззрѣній, не философствующихіе, подобны дѣтямъ, неимѣющимъ яснаго понятія ни о самихъ себѣ, ни объ окружающемъ ихъ мірѣ, и потому остаются неспособными дѣйствовать гармонически и разумно, въ одномъ общемъ направленіи, для разрѣшенія одной общей задачи и цѣли.

Равнымъ образомъ не все равно, *какое* міровоззрѣніе становится господствующимъ въ народѣ. Естественно, что народъ, въ которомъ преобладаетъ воззрѣніе *атомизма* какъ въ метафизикѣ такъ и въ нравовѣ, будетъ иначе проявляться въ практической жизни, чѣмъ тотъ, у котораго метафизика и нравовѣ обнаруживали всегда *монистическія* стремленія. Первой обнаружится въ единичныхъ блестящихъ умахъ, но не будетъ способенъ къ совокупному, гармоническому и послѣдовательному дѣйствію въ одномъ и томъ же направленіи, въ одномъ общемъ духѣ. Напротивъ народы, въ которыхъ укореняется міровоззрѣніе монистическое, индивидуумъ привыкаетъ смотрѣть на себя, какъ на одну частицу общаго организма, которой задача состоитъ главнымъ образомъ въ дѣйствіи согласномъ съ общимъ направленіемъ цѣлаго. Потому то такъ важно обращать самое тщательное вниманіе на то, *какое* міровоззрѣніе вырабатывается въ разныхъ народахъ, *какія* взгляды привьются къ народу съ самаго начала его развитія.

По мнѣнію многихъ изъ новѣйшихъ философовъ исторіи каждый народъ вырабатываетъ у себя міровоззрѣніе, соотвѣтствующее его характеру; послѣдній же въ свою очередь будто бы снова зависитъ исключительно отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, въ средѣ которыхъ народы живутъ и дѣйствуютъ. Вслѣдствіе подобнаго мнѣнія значеніе міровоззрѣній для жизни народовъ ограничивается до минимума; ибо, по этому взгляду, міровоззрѣнія признаются не

самостоятельными двигателями будущаго развитія народовъ, но являются лишь результатомъ, *симптомомъ* прошедшаго развитія. Но односторонность подобнаго воззрѣнія обнаруживается вполнѣ уже на основаніи простаго сравненія развитія единичнаго человѣка съ развитіемъ цѣлыхъ народовъ. И развитіе единичнаго человѣка зависитъ отъ разнородныхъ внѣшнихъ отношеній; и его характеръ обусловливается разными физическими и органическими началами; тѣмъ не менѣ воспитаніе прививаетъ дѣтямъ очень часто воззрѣнія, вліяющія на всю жизнь ихъ, на всю будущую дѣятельность ихъ, равно какъ на ихъ благополучіе и благосостояніе. Даже характеръ дѣтей измѣняется, или принимаетъ иное направленіе, подѣ вліяніемъ прививаемыхъ къ нимъ воззрѣній. Не встрѣчаемъ ли мы то же самое и въ развитіи народовъ? И они развиваются на основаніи воззрѣній другихъ, болѣе развитыхъ народовъ, и образуютъ свое собственное воззрѣніе, вліяющее непосредственно на ихъ историческую дѣятельность и дѣлающее ихъ отвѣтственными передъ судомъ исторіи. А потому то нельзя оставаться равнодушнымъ къ вопросу: какое міровоззрѣніе укрѣпляется въ народахъ, особенно въ тѣхъ, которые находятся еще на первыхъ порахъ своего самостоятельнаго умственнаго развитія. Отъ содержанія и направленія міровоззрѣнія зависитъ все будущее такихъ народовъ; ихъ настоящее историческое значеніе, ихъ миссія въ средѣ другихъ народовъ. Міровоззрѣніе становится руководителемъ этихъ народовъ на сокровенномъ пути къ будущности, и ведетъ ихъ то къ совершенству, то къ гибели, смотря по тому, какія оно прививаетъ къ народу цѣли и идеалы.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что тѣ не приносятъ ни своимъ народамъ, ни человѣчеству большихъ услугъ, которые остаются равнодушными къ выработкѣ надлежащаго, на сколько возможно совершеннаго міровоззрѣнія, или даже подрываютъ существующія, не замѣняя ихъ другими болѣе совершенными. Они безъ малѣйшаго права тушатъ, такъ сказать, свѣтильники, освѣщающіе, по крайней мѣрѣ нѣсколько, мрачный путь развитія народовъ, не замѣняя ихъ другими, болѣе яркими, и потому вмѣсто того, чтобы содѣйствовать человѣчеству въ разрѣшеніи трудныхъ задачъ его существованія, они все болѣе и болѣе затемняютъ его путь и заставляютъ его, наконецъ, или ходить и дѣйствовать ощупью, или же пре-

даться полному отчаянію. То и другое хуже и вреднѣе даже самых неосновательныхъ и ложныхъ міровоззрѣній.

2. *Сравненіе спеціальныхъ наукъ со стремленіемъ философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія.*

28. Послѣ предложенныхъ объясненій какъ сущности, такъ и значенія стремленія философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, намъ остается лишь сравнить другія науки съ этимъ существеннымъ признакомъ философіи.

Для большей ясности мы, съ самаго начала, представимъ результатъ такого сравненія, и примемъ его за основаніе при дальнѣйшемъ болѣе подробномъ разборѣ этого вопроса.

По моему убѣжденію, ни одна изъ спеціальныхъ наукъ не въ состояніи образовать общаго міровоззрѣнія; всѣ онѣ, безъ исключенія, заключаютъ въ себѣ лишь *элементы* такого міровоззрѣнія. Равнымъ образомъ спеціальныя науки изслѣдуютъ не *сущность* бытія, какъ первоначальное основаніе всего существующаго, но лишь *явленія* бытія, какъ внѣшнія, чувственные послѣдствія сокровенной дѣятельности самой сущности; наконецъ спеціальныя науки ознакомляютъ насъ лишь съ *ближайшими* причинами и цѣлями изслѣдуемыхъ ими предметовъ, но не стремятся къ познанію *первоначальныхъ* причинъ и *послѣднихъ* цѣлей всего существующаго.

Все это составляетъ именно послѣднее существенное отличіе философіи отъ другихъ наукъ. Объяснимъ это ближе.

Мы сказали прежде всего, что спеціальныя науки не въ состояніи образовать общаго міровоззрѣнія, къ которому стремится философія; что онѣ заключаютъ въ себѣ лишь элементы такого міровоззрѣнія.

Общее міровоззрѣніе требуетъ взгляда на *все* существующее; между тѣмъ спеціальныя науки ограничиваются изученіемъ лишь единичныхъ, частныхъ явленій и формъ существующаго; изъ этого слѣдуетъ, что каждая изъ нихъ сама по себѣ никакъ не въ состояніи образовать воззрѣнія на *все* существующее, на *всю* вселенную.

Это, кажется, до того ясно и несомнѣнно, что не требовало бы никакого ближайшаго доказательства. Тѣмъ не менѣе однако есть спеціальныя науки, которыя очень часто переходятъ предѣлы

своей спеціальности и обнаруживают тенденцію къ образованію общаго міровоззрѣнія, хотя онѣ не заключаютъ въ себѣ ни достаточныхъ основаній, ни соотвѣтственныхъ средствъ и пособій для осуществленія этой цѣли.

Къ такимъ наукамъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, *богословіе* и *естествознаніе*. Несомнѣнное достоинство, значеніе и при томъ обширность предметовъ этихъ наукъ вводятъ ихъ очень часто въ искушеніе къ отождествленію своего *спеціального* предмета со *всѣмъ существующимъ*; вслѣдствіе чего онѣ очень часто расширяютъ взгляды на свою спеціальность и выдаютъ оныя за общее, полное и законченное міровоззрѣніе.

Такъ напр. спеціальный предметъ *богословія* есть изученіе, на основаніи откровенія, взаимныхъ нравственныхъ отношеній, существующихъ между Богомъ и человѣкомъ. Отношенія эти составляютъ сущность всякой религіи и религіозной жизни. Спеціальность богословія слѣдовательно ограничивается такими предметами, какъ: изслѣдованіе разнородныхъ явленій религіозной жизни человѣчества; доказательство, оправданіе и развитіе откровенія, какъ необходимаго источника всѣхъ богословскихъ знаній, далѣе — изученіе самаго откровенія и представленіе его взглядовъ на отношенія между Богомъ и человѣкомъ, на нравственность и религію. Всѣ же другія изслѣдованія, касающіяся Бога, человѣка и природы, не имѣющія религіозно-нравственного характера, остаются совершенно за предѣлами богословія.

Тѣмъ не менѣе однако многіе изъ богослововъ, не довольствуясь таковымъ характеромъ своего предмета, переходятъ въ предѣлы то *метафизикъ*, то *физикъ* (въ обширномъ значеніи этого слова), и со своей богословской точки зрѣнія занимаются вопросами, не разрѣшимыми на основаніи одного *откровенія*, и образуютъ міровоззрѣнія, переходящія границы богословія и его задачъ, равно его научныя средства и пособія.

То же самое слѣдуетъ сказать и о *естествознаніи*. Его исключительный предметъ: изученіе разнородныхъ явленій *матеріальной* или *физической* природы; всѣ-же изслѣдованія явленій, не имѣющихъ матеріальнаго и физическаго характера, находятся за предѣлами естествознанія и составляютъ предметъ особыхъ спеціальныхъ наукъ.

Не смотря однако на то, многіе изъ натуралистовъ, безъ всякаго основанія, отождествляютъ свой *спеціальный* предметъ, т. е. физическую природу, съ понятіемъ о бытіи, о вселенной вообще; а вслѣдствіе того они отрицаютъ существованіе всего, что не подходитъ подъ ихъ понятіе о физической природѣ и утверждаютъ, что ихъ воззрѣнія, основанныя на изслѣдованіи сей послѣдней, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ *единственное* начало истиннаго и полнаго міровоззрѣнія. И такъ *все* существующее является имъ лишь въ видѣ ихъ *спеціальности*, въ видѣ физической природы.

Но подобное расширеніе и обобщеніе понятія о физической природѣ совершенно неспособно и неумѣстно, именно потому, что оно простирается на явленія, не изучаемыя и не изслѣдуемыя самимъ естествознаніемъ. Всѣ такъ называемыя духовныя, психическія и нравственныя явленія, которыя по существу своему ускользаютъ отъ всѣхъ средствъ и пособій физическаго изслѣдованія, принадлежатъ равнымъ образомъ ко вселенной и обнаруживаютъ собою разныя существенныя свойства всеобщаго бытія. Спеціальное изученіе всѣхъ явленій этого рода столь-же необходимо для образованія *общаго* міровоззрѣнія, какъ и изслѣдованіе чисто-физическихъ явленій. Между тѣмъ естествознаніе не изучаетъ этихъ явленій, не даетъ себѣ яснаго отчета ни въ ихъ содержаніи, ни въ ихъ законахъ, причинахъ и цѣляхъ, ни наконецъ въ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при ихъ научномъ объясненіи.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что *міровоззрѣніе* естественныхъ наукъ, основанное исключительно на изслѣдованіи физической природы, по существу своему не полно, односторонне, слѣдовательно ложно. Ежели натуралистъ хочетъ дойти до *общаго* міровоззрѣнія, то онъ долженъ пополнить свою науку спеціальными знаніями изъ другихъ наукъ и вообще удовлетворить всѣмъ вышеизложеннымъ (§ 20) требованіямъ *полнаго* міровоззрѣнія, вслѣдствіе чего онъ именно и перестаетъ быть специалистомъ по естествознанію и становится *философомъ*. Всѣ же общія міровоззрѣнія натуралистовъ, не удовлетворяющія этимъ требованіямъ, не имѣютъ строго научнаго характера, разрѣшая вопросы, переходящіе предѣлы и пособія естествознанія, безъ соотвѣтственныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, пополняющихъ изученіе физической природы.

29. Вышесказанное могло-бы подать поводъ къ недоразумѣнію, будто-бы мы требуемъ, чтобы каждая наука ограничивалась исключительно своею спеціальностью и оставалась совершенно равнодушною къ изслѣдованіямъ другихъ наукъ. Между тѣмъ мысль наша вовсе не та. Напротивъ, уже въ самомъ началѣ настоящаго разсужденія, мы указали на единство всѣхъ наукъ, на необходимость взаимнаго ихъ пополненія и вспомошествованія; это-же требованіе не ограничивается вышесказаннымъ.

Единство всѣхъ наукъ и связь между ними не даетъ права никакой спеціальности своевольно переходить въ предѣлы другихъ наукъ и разрѣшать вопросы, не обращая вниманія на ихъ спеціальныя изслѣдованія. Единство наукъ и ихъ связь между собою основана, прежде всего, на уваженіи къ самостоятельности каждой изъ нихъ, на убѣжденіи, что нельзя разрѣшать разнородныхъ вопросовъ человѣческаго знанія, не основываясь на *спеціальныхъ* научныхъ изысканіяхъ. А изъ этого слѣдуетъ, что ученые, не вполнѣ довольные своею спеціальностью, чувствующие потребность расширить свой умственный горизонтъ и разрѣшать вопросы, касающіеся предметовъ, переходящихъ предѣлы ихъ спеціальности, не могутъ этого сдѣлать иначе, какъ на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій по другимъ наукамъ, на основаніи точнаго ознакомленія съ этими науками.

Слѣдовательно, ежели богословы или естествоиспытатели чувствуютъ потребность образованія общаго міровоззрѣнія, то они не должны ограничиваться удовлетвореніемъ этой потребности на основаніи одной *своей* спеціальности, но принять во вниманіе спеціальныя научныя изслѣдованія, касающіяся всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые не составляютъ предмета ихъ спеціальности. А этимъ самымъ они оставляютъ уже поприще своей науки и переходятъ въ область *философій*, которая именно изучаетъ основныя начала всякаго точнаго міровоззрѣнія. А по сему подобные ученые должны прежде всего подчиниться всѣмъ существеннымъ требованіямъ этой новой для нихъ науки-философій, особенно же ея требованію критическаго разбора всѣхъ догматическихъ предположеній. Только такимъ образомъ, т. е. только становясь *философомъ*, специалистъ можетъ достигнуть общаго міровоззрѣнія и найти въ немъ ту полноту и универсальность познаній, которой онъ не встрѣчаетъ

въ своей спеціальности, равно найти то высокое умственное наслаждение, которое истекаетъ изъ полнаго и яснаго взгляда какъ на первоначальныя основанія, такъ и на цѣль и назначеніе всего существующаго.

30. Противъ этого послѣдняго положенія, что каждый спеціалистъ можетъ образовать общее міровоззрѣніе лишь при содѣйствіи философіи, т. е. только становясь самъ философомъ, возражаютъ очень часто, что производство общаго міровоззрѣнія есть не результатъ какой-либо особой науки философіи, но результатъ простаго сочетанія научныхъ выводовъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ, и что слѣдовательно, желая достигнуть такого міровоззрѣнія, слѣдуетъ ознакомиться не съ какими-нибудь отвлеченными метафизическими разсужденіями философовъ, но съ конечными выводами спеціальныхъ наукъ и сочетать оныя въ одно научное цѣлое. По этому взгляду для образованія общаго міровоззрѣнія не нужна философія, но совершенно достаточны спеціальныя науки вмѣстѣ взятія, т. е., собственно говоря, *энциклопедія* спеціальныхъ наукъ.

Неосновательность этого возраженія обнаруживается непосредственно во всемъ томъ, что выше было сказано объ основныхъ требованіяхъ всякаго полнаго и истиннаго міровоззрѣнія. Принимая во вниманіе эти требованія, мы видимъ, что простая энциклопедія всѣхъ спеціальныхъ наукъ и взглядъ на всѣ результаты оныхъ не составляетъ еще *міровоззрѣнія*, а именно по слѣдующимъ причинамъ.

Во 1-хъ, каждая спеціальная наука, какъ мы видѣли, основывается на извѣстныхъ догматическихъ предположеніяхъ; эти догматическія предположенія не *упрощаются* при энциклопедическомъ сочетаніи всѣхъ спеціальныхъ наукъ, но напротивъ *усложняются*; а вслѣдствіе того и всѣ спеціальныя науки вмѣстѣ взятія не освобождаются отъ своего *догматическаго* характера и не могутъ сами по себѣ, безъ особыхъ новыхъ *философскихъ* изслѣдованій, довести до *критическаго* міровоззрѣнія.

Во 2-хъ, энциклопедическое сопоставленіе однихъ выводовъ спеціальныхъ наукъ будетъ всегда имѣть характеръ *хаотическій*, лишенный единства и послѣдовательности, по той простой причинѣ, что каждая спеціальность основывается на своихъ предположеніяхъ и пользуется своими особыми приемами и воззрѣніями, оставаясь

равнодушною къ предположеніямъ, приѣмамъ и воззрѣніямъ остальныхъ специальныхъ наукъ. Вслѣдствіе того *единое и послѣдовательное* міровоззрѣніе требуетъ *самостоятельной разработки* выводовъ специальныхъ наукъ, требуетъ изученія внутренней послѣдовательной связи, существующей между результатами всѣхъ наукъ, и представленія оныхъ съ *одной общей* точки зрѣнія, въ видѣ одного, гармоническаго и послѣдовательнаго воззрѣнія. А всего этого можно достигнуть не на основаніи простаго сопоставленія выводовъ специальныхъ наукъ, но лишь только на основаніи новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, переходящихъ кругъ всѣхъ специальностей вмѣстѣ взятыхъ.

Наконецъ въ 3-хъ: И самое полное энциклопедическое сопоставленіе результатовъ специальныхъ наукъ не доходитъ еще до *полнаго* міровоззрѣнія, но, и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, заключаетъ въ себѣ лишь *одну* сторону полнаго міровоззрѣнія, сторону внѣшнюю, эмпирическую, сторону явленій, однихъ ближайшихъ причинъ и цѣлей бытія; другая-же сторона полнаго міровоззрѣнія, представляющая собою *сущность* бытія, первоначальныя основанія и причины, равно послѣдніи цѣли и назначеніе всего существующаго, остается необъясненною и при самомъ обширномъ энциклопедическомъ изложеніи специальныхъ наукъ. Всѣ специальныя науки ограничиваютъ свои изслѣдованія анализомъ однихъ *явленій*, равно ихъ *ближайшихъ* причинъ и цѣлей, а не обращаютъ вниманія на *общія* всѣмъ явленіямъ основанія, на *сущность* бытія, заключающую въ себѣ, какъ мы видѣли (§ 20), первоначальную причину и послѣднюю цѣль всего существующаго. А изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы достигнуть *полнаго и законченнаго* міровоззрѣнія, необходимо пополнить изслѣдованія специальныхъ наукъ самостоятельными философскими изслѣдованіями, имѣющими предметомъ *первоначальныя* основанія и *сущность* бытія.

Изъ этихъ трехъ пунктовъ, приведенныхъ нами въ подтвержденіе того положенія, что специальныя науки, и при энциклопедическомъ ихъ сочетаніи, не могутъ довести до общаго міровоззрѣнія, безъ особыхъ философскихъ изысканій; изъ этихъ пунктовъ, говорю, первый доказанъ уже выше при разборѣ критическихъ основаній философіи, а второй ясенъ самъ по себѣ. Остается лишь третій,

который оспаривается многими специалистами и потому требует ближайшаго объясненія.

31. Многие специалисты утверждают, что стремление познать основныя начала данныхъ явленій и ихъ сущность свойственно всѣмъ безъ исключенія наукамъ и потому не можетъ служить отличительною чертою одной философіи. Каждая наука, говорятъ они, не довольствуется однимъ грубымъ эмпиризмомъ, однимъ изслѣдованіемъ внѣшнихъ фактовъ и явленій; но стремится вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *уразумѣнію* эмпирическаго матеріала, къ научному объясненію фактовъ и явленій, къ познанію ихъ сокровенныхъ началъ, причинъ и цѣлей. И этого дѣйствительно нельзя оспаривать вполнѣ.

По нашимъ настоящимъ воззрѣніямъ на науку и ея требованія, никто изъ научныхъ изслѣдователей не можетъ довольствоваться простымъ описаніемъ фактовъ и явленій, грубымъ эмпиризмомъ, представляющимъ исключительно лишь то, что доступно для чувственнаго наблюденія, что, такъ сказать, брасается непосредственно въ глаза. Наука, по существу своему, требуетъ больше; она требуетъ уразумѣнія и объясненія фактовъ и явленій, вывода изъ нихъ взгляда на соотвѣтственныя начала, причины и цѣли.

Но тѣмъ не менѣе однако не трудно доказать наше положеніе, что всѣ спеціальныя науки довольствуются лишь познаніемъ *ближайшихъ* началъ изслѣдуемыхъ ими явленій, а не стремятся къ познанію истинной *сущности* этихъ явленій, ихъ *первоначальныхъ* причинъ и основаній. Доказательствомъ тому служить, во 1-хъ догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ, и во 2-хъ то обстоятельство, что каждая спеціальная наука, ограничиваясь изслѣдованіемъ лишь извѣстнаго рода явленій, не можетъ познать тѣхъ началъ и причинъ, которыя составляютъ сущность всѣхъ вообще явленій, и обуславливаютъ собою безъ исключенія все существующее.

Что касается до 1-го, то мы уже выше показали (§ 9 и слѣд.), что конечными началами, на основаніи которыхъ спеціальныя науки объясняютъ изслѣдуемыя ими явленія, служатъ догматическія понятія и предположенія, не подвергаемыя критическому анализу самими спеціальными науками. А изъ этого слѣдуетъ непосредственно, что всѣ начала и причины, приведенныя спеціальными науками для уразумѣнія и объясненія фактовъ и явленій, не могутъ быть признаны *окончательными*; онѣ сами по себѣ непрочны и недостовер-

ны, но должны быть критически анализируемы и разрабатываемы для того, чтобы могли служить надлежащими основаниями общаго міровоззрѣнія; чтобы могли содѣйствовать познанію сущности бытія, его первоначальныхъ причинъ и конечныхъ цѣлей. Истину эту не трудно объяснить примѣрами.

Естествознаніе напр. сводитъ все къ извѣстнымъ силамъ матеріи; *сила* и *матерія*, два основныя понятія, служащія главнымъ объясненіемъ всѣхъ явленій природы; но оба эти понятія сами по себѣ не могутъ быть признаны первоначальными основаниями природы, сущностью ея; чтобы онѣ могли сдѣлаться подобнымъ основаніемъ, необходимо критически анализировать онія и убѣдиться въ томъ: изъ какихъ элементовъ они состоятъ? какое ихъ истинное содержаніе и значеніе? не основаны ли они сами на другихъ, болѣе простыхъ и коренныхъ понятіяхъ, объясняющихъ всѣ явленія точнѣе и достовѣрнѣе? Но такой анализъ, какъ мы уже видѣли, составляетъ предметъ не естествознанія, а *философіи*, и потому *сущность* природы, ея первоначальныя основанія и причины, равно настоящая цѣль ея существованія, изучается не естествознаніемъ, но философіею.

То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ остальныхъ специальныхъ наукахъ; онѣ всѣ объясняютъ данный рядъ явленій на основаніи *ближайшихъ* причинъ, объясняемыхъ въ свою очередь, не ихъ существенными началами, но одними *догматическими* предположеніями. Между тѣмъ философія, стремясь по существу своему къ критическому уразумѣнію первоначальныхъ основаній человѣческаго познанія, разбираетъ и эти начала, и потому лишь она доводитъ до познанія истинной сущности бытія, на сколько она вообще доступна для ума человѣческаго.

Къ тому же результату доводитъ второй изъ вышеприведенныхъ моментовъ.

Сущностью бытія мы можемъ назвать лишь тѣ первоначальныя основанія его, которыя служатъ причиною *всѣхъ* безъ исключенія явленій. Это то *универсальное, всеобщее* значеніе понятія о сущности бытія, исключаетъ возможность познанія и уразумѣнія его въ области какой-либо изъ специальныхъ наукъ. Ограничивая свои изслѣдованія тѣснымъ кругомъ фактовъ и явленій *одного, специального* рода, специальныя науки сами по себѣ могутъ довести

насъ къ познанію лишь тѣхъ началъ и причинъ, которыя проявляются въ данномъ кругу явленій; но эти начала не составляютъ еще *сущности* бытія, заключающей въ себѣ, какъ сказано, начала всѣхъ безъ исключенія явленій. Чтобы уразумѣть эту сущность, слѣдуетъ принимать во вниманіе *все* существующее, а не только извѣстный родъ его; слѣдуетъ дойти до такихъ началъ, которыя могли бы служить объясненіемъ не того или другаго ряда явленій, но всѣхъ безъ исключенія, даже самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ. А это именно превышаетъ задачи, пособія и стремленія специальныхъ наукъ и можетъ быть достигнуто лишь особою наукою, философіею, которой существенно свойственъ характеръ универсальный, все обнимающій.

Изъ всего вышесказанно усматривается, что стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія свойственно исключительно *философiи*, что ея критическій и универсальный характеръ обуславливаетъ собою достиженіе этой цѣли, и что наконецъ это стремленіе служить отличительною чертою философіи въ сравненіи съ другими науками. Однимъ словомъ: *Философія есть критическое изслѣдованіе основныхъ началъ человѣческаго познанія и стремленіе создать на этихъ началахъ общее міровоззрѣніе, на сколько возможно совершенное.* Ей свойственъ характеръ *критическій* и *универсальный*; между тѣмъ какъ всѣ другія науки носятъ на себѣ характеръ *догматическій* и *спеціальный*.

32. Но этими положеніями мы вовсе не желаемъ ограничить значенія специальныхъ наукъ и поставить оныя въ рядъ второстепенныхъ при истинномъ познаніи вещей. Подобныя мнѣнія, основанныя на понятіи о какой то *абсолютной, безусловной* философіи, которая одна, независимо отъ другихъ наукъ, доводитъ до полного и достовѣрнаго уразумѣнія всего существующаго, потеряли всякое значеніе въ новѣйшемъ критическомъ развитіи философіи. Взглядъ Гегеля и его школы на философію, какъ на науку безусловную, уже давно устраненъ и уступилъ мѣсто болѣе основательному и вѣрному взгляду, по которому философія, при всей своей критической самостоятельности и универсальности, не можетъ однако разрѣшить своей главной задачи—образованія общаго, доступнаго для ума человѣческаго міровоззрѣнія, безъ содѣйствія специальныхъ наукъ, не опираясь на результаты ихъ изслѣдованій, на надлежащее знаком-

ство съ ихъ богатымъ научнымъ матеріаломъ. Антагонизмъ, существовавшій, по мнѣнію многихъ мыслителей, между философіею и спеціальными науками, между разумомъ и опытомъ, устраняется все болѣе и болѣе на основаніи гармоническаго развитія философій и спеціальныхъ наукъ, а вмѣсто этого антагонизма утверждается, по крайней мѣрѣ во всѣхъ серіозныхъ философахъ, то убѣжденіе, что всѣ науки стремятся къ одной общей цѣли и составляютъ одно гармоническое цѣлое; что философія не можетъ разсуждать о мірѣ, его началахъ, развитіи и назначеніи, не пользуясь на каждомъ шагѣ матеріалами спеціальныхъ наукъ.

Остается лишь пожелать, чтобы спеціальныя науки и со своей стороны убѣдились въ необходимости для нихъ самихъ философій, убѣдились въ томъ, что онѣ не могутъ достигнуть полного, критическаго и основательнаго познанія своихъ предметовъ безъ философій, безъ ея стремленія къ критическому уразумѣнію основныхъ началъ міровоззрѣнія. Въ виду новѣйшаго развитія философій, особенно въ Германіи, основаннаго на критикѣ Гегелевыхъ воззрѣній, борьба спеціальныхъ наукъ съ философіею должна считаться лишь анахронизмомъ, истекающимъ изъ однихъ недоразумѣній. Многіе специалисты ратуютъ противъ философій, имѣя въ виду собственно не самую философію, но только одно ложное философское воззрѣніе, каковъ напр. абсолютный идеализмъ Гегеля. Но сей послѣдній вовсе не исчерпываетъ понятія, содержанія и стремленій самой философій, и притомъ уже давно не можетъ быть признаваемъ господствующею философіею.

А потому настало время покинуть разъ на всегда подобныя недоразумѣнія и сознаться въ томъ, что только единство всѣхъ наукъ, особенно же философій и спеціальныхъ наукъ, ихъ взаимное пополненіе и вспомошествованіе составляютъ необходимое условіе истиннаго прогресса человѣческаго познанія;—условіе образованія такого міровоззрѣнія, которое было бы въ состояніи осчастливить человѣчество и служить свѣтиломъ на столь трудномъ и часто мрачномъ пути къ достиженію всевозможнаго для насъ совершенства.

